

Военная академия Ласруй, 19:00, актовый зал. Вечерний Ласруй по-своему прекрасен: когда закатное солнце скрывается за горизонтом и на академию опускаются сумерки, в окнах корпусов загораются огоньки. Ночь оживает, и если взглянуть на академию сверху, кажется, будто этот маленький Ласруй — крошечная модель огромного города, сияющего тысячами огней.

Каждый вечер с семи до половины восьмого студенты собираются в актовом зале для просмотра новостей. С половины восьмого до половины десятого — свободное время, которое большинство курсантов предпочитает проводить в учебных классах. Те же, в ком после дневных тренировок еще бурлит энергия, отправляются выяснять отношения на баскетбольную площадку.

С половины десятого до десяти — подведение итогов дня: все собираются на плацу для финальной вечерней поверки. Обычно в десять она заканчивается, и студенты расходятся по общежитиям. С этого момента покидать здания нельзя, но внутри можно заниматься чем угодно. В половине одиннадцатого — отбой, интернет отключают ровно по графику.

Несмотря на то что это военное училище по духу ближе всего к армейскому гарнизону, а большинство студентов — будущие «дикари» с винтовками наперевес, теоретических занятий здесь предостаточно, пусть и попроще, чем в четырех других академиях. Сегодня теории не было, так что в учебные классы идти смысла не имело. Это было только на руку местным любителям компьютерных игр: едва выйдя из зала, они тут же устремились в общежития к своим мониторам. Тан Цунъюнь вышел из зала вместе с двумя соседями, но возвращаться в комнату и валяться перед компьютером не хотелось, а куда податься — он не знал.

Вечерний ветерок слегка раскачивал ветви деревьев. Ночной мрак окутал академию, и, заслышав доносившиеся издали крики болельщиков с баскетбольной площадки, Тан Цунъюнь воодушевился и предложил друзьям сходить туда за компанию. У У, то ли оттого, что его вечно гоняли родители, то ли от избытка сил, которые он готов был тратить даже на пение, тут же согласился. Юэ Хэнцин, напротив, покачал головой:

— Сегодняшняя тренировка выжала из меня все соки. Я пойду приму душ и отдохну, если останется время — присоединюсь к вам.

Баскетбольная площадка — самое оживленное место. Будь то день или ночь, она всегда остается полем битвы для юношей. В девичьих романах, которые так любят пятнадцатилетние школьницы, главный герой всегда играет в баскетбол.

Много лет назад Тан Цунъюнь тоже мечтал стать таким героем, вот только лицо объекта его мечтаний он совершенно не помнил. Сейчас, в расцвете юности, видя перед собой стремительные фигуры и слыша оглушительную поддержку трибун, он просто не мог устоять.

— Руки зачесались? Ты же был звездой в старшей школе, неужели не справишься с ними? — спросил У У, уже присматриваясь к игрокам, которые готовились к перерыву. — Иди! Стань запасным! — Он подтолкнул Тан Цунъюня в спину и проводил его взглядом до самой площадки.

К своему удивлению, у кромки поля Тан Цунъюнь увидел Ван Чжана, инструктора первого курса! Тот был немало удивлен, увидев своего студента. Надо же, как быстро эти мальчишки находят места для развлечений, будто радары встроены! Рядом с Ван Чжаном сидели другие инструкторы, для которых такая картина была привычной. Они похлопали пожилого Ван Чжана по плечу, словно говоря: нынешняя молодежь такая, ты уже стареешь! Некоторые даже помахали Тан Цунъюню, о чем-то недоуменно перешептываясь.

— Это тот самый первокурсник, которого особо отметил инструктор Ван? — тридцатилетний мужчина посмотрел на юношу с мягкими чертами лица и почувствовал, что тот кажется ему смутно знакомым. Ван Чжан бросил на него такой взгляд, что мужчина осекся и рассмеялся: — Инструктор Ван, да вы самый строгий наставник во всей академии! Должно быть, парень действительно выдающийся, раз удостоился вашей похвалы.

— Это точно. Но Ван Чжан подготовил столько прославленных генералов, а сегодня вот так опозорился! — говорящий даже не посмотрел на лицо Ван Чжана, хотя, обернись он, увидел бы, что тот почернел, как уголь.

— Заткнись, мать твою, — один из сидевших рядом инструкторов пихнул болтуна локтем. Тот мгновенно осознал свою ошибку, почувствовав, как давление вокруг упало до отрицательных значений. Он поспешно хлопнул Тан Цунъюня по спине и с деланным энтузиазмом спросил: — Хочешь поиграть? — Получив в ответ легкий кивок, он подозвал одного из игроков, который выглядел совершенно измотанным.

Это был старшекурсник, весь в поту, в мешковатой спортивной форме. Он снял с вешалки полотенце и подошел к ним.

— Сегодня тренировка сборной академии. Если не возражаешь, можешь выйти против них, все равно скоро набор в команду. — Он уступил свое место, жестом указав на площадку. Тан Цунъюнь вдруг что-то почуял, его взгляд метнулся к Ван Чжану. Тот, нахмурившись, пристально смотрел в телефон, словно случилось что-то скверное. Тан Цунъюнь не стал задавать лишних вопросов и, кивнув, выбежал на середину площадки.

У У на трибунах долго ждал появления друга, и как только увидел его в центре, тут же решил взять на себя роль главы фан-клуба. За пару секунд он сочинил кричалку и принялся расхваливать мастерство Тан Цунъюня перед незнакомыми людьми.

Он умудрился собрать вокруг него целую группу фанатов. Не хватало только светящихся табличек с надписью: Брат Цэнь Хэ, смело лети, фанаты-конфетки всегда с тобой. Взгляды «фан-клуба» вонзались в спину Тан Цунъюня, как острые клинки, возлагая на него надежды всей деревни. Сам же объект надежд, не подозревая, что творится на трибунах, вдруг почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Под грузом стольких ожиданий Тан Цунъюнь мгновенно перевоплотился в «красавчика с площадки». Его броски были настолько эффектными, что трибуны взревали, привлекая еще больше зрителей.

Однако во второй половине игры удача отвернулась от него. Слишком воодушевленный, он неудачно приземлился и подвернул ногу. Великая звезда, почти не знавшая травм в детстве, на мгновение замер. Боль дошла до мозга с опозданием, но на ногу было уже не встать.

Цай Чэнь, вернувшийся неизвестно откуда, тут же подбежал, помог ему сойти с площадки и заменил его запасным игроком. Он лично взялся осмотреть повреждение и пришел в ужас: парень был в тренировочных ботинках на шнуровке! Цай Чэнь немедленно начал расшнуровывать их, чтобы не нарушать кровообращение. В это время У У, не найдя никого на трибунах, бросил свой фан-клуб и прибежал вниз. Увидев Тан Цунъюня, корчащегося от боли на скамье, он подскочил к нему.

— Брат! — он подставил плечо, обеспокоенно вглядываясь в лицо друга.

— Неси его в общежитие, а потом сходи в медпункт за лекарствами, — велел Цай Чэнь, протягивая ему ботинки. У У, подгоняемый взглядом, ахнул, осознал ситуацию и взвалил Тан Цунъюня на спину, прижимая одной рукой его ноги, а другой — ботинок. Несмотря на то что Тан Цунъюнь казался легким, под его весом У У едва не задохнулся.

У него не было сил даже обернуться, чтобы попрощаться с инструкторами. Он, шатаясь, понес свою «тяжелую ношу» к выходу. Сделав несколько шагов, он приподнял друга выше, боясь, что тот свалится. Тан Цунъюня так трясло, что он почувствовал себя пассажиром на горной дороге. Похлопав У У по плечу, он прошептал:

— Хватит, хватит. Впереди скамейка, опусти меня. Попробую пойти сам, если не получится — подопреешь. Ты же совсем согнулся под моим весом, тонкая тростинка.

Они уже отошли от спортивной площадки. Скамья, о которой говорил Тан Цунъюнь, стояла в глубине рощи, которая ночью сливалась с темнотой, подсвеченная лишь тусклыми фонариками у ножек. У У хотел было огрызнуться, но получил пинок в зад от «инвалида», который жестом велел поторопиться.

Тяжесть была такой, что У У не мог говорить, только тяжело дышал. Он добежал до скамьи, сбросил друга и показал ему неприличный жест. Только отдышавшись, он собрался было посмеяться над тем, как тот умудрился подвернуть ногу, пытаясь покрасоваться, как вдруг заметил стоявшего неподалеку человека.

— Фэн... господин, — пробормотал У У. Его друг, обычно такой разговорчивый, тоже замолчал, хотя в его голосе слышалось явное удивление.

— Давай я, — произнес тот, не приближаясь. Выражения его лица в темноте было не разглядеть. Тон был почти мягким, и У У, у которого сложилось о нем «стереотипное мнение», чуть не подпрыгнул от неожиданности. Он с сомнением оглянулся на Тан Цунъюня, который сидел на скамье, вытянувшись по струнке.

Жестами У У спросил: «Охренеть, когда вы успели сойтись? Скорость-то какая!» Вместо ответа

он услышал лишь смущенное покашливание.

Очевидно, что неловкость была вызвана присутствием постороннего, но У У, словно рупор, решил, что эти двое уже успели всё! Черт возьми, да они действительно сошлись! С улыбкой в духе «я всё понял», он проявил к Фэн Бэю уважение, подобающее «невестке», и сказал:

— Прощу!

Фэн Бэй, до этого казавшийся «мягким», промолчал, но Тан Цунъюнь почувствовал, как температура вокруг упала еще на пару градусов. У У вздрогнул и, опасливо оглянувшись на Тан Цунъюня, который из «зверя в человеческом обличье» превратился просто в человека, прошептал:

— Ты уверен, что это... «невестка»?

Тан Цунъюнь боялся, что если он снова встретится взглядом с этим помешанным на сплетнях идиотом, господин Фэн не выдержит и прервет его молодую жизнь. Фэн Бэй стоял на месте, жестом приказывая им уйти со скамьи в слепую зону рощи. Тан Цунъюнь вмиг сложил всё в голове, пнул У У по ноге и глазами показал, чтобы тот его подхватил.

Многолетняя привычка — как в детстве, когда Тан Цунъюнь стоял у ворот и подавал сигнал, что родители возвращаются. У У присел, ворча и жалуясь, и сделал несколько шагов в тень.

— Залезай, — Фэн Бэй подхватил его. С такого ракурса Тан Цунъюнь видел его шею и мышцы пресса под распахнутым воротом. От этого зрелища у него вспыхнули уши, и он поспешно отвернулся, делая вид, что ничего не заметил.

Неизвестно, из каких соображений — то ли чтобы не подавать дурной пример молодежи, то ли еще почему — Фэн Бэй вдруг запахнул воротник и поудобнее перехватил его. Но для того, кто сидел у него на спине, это выглядело так, будто его подглядывание было раскрыто. Разве есть что-то более неловкое, чем быть пойманным за таким занятием?

Конечно, нет. По крайней мере, Тан Цунъюнь был уверен, что ничего хуже уже не случится. Его мысли путались, он не мог найти себе места. После игры в воздухе еще витал сладкий аромат конфет, и Фэн Бэй наверняка его чувствовал. А ведь он омега... вдруг он... вдруг... от этого сердце забилось чаще, и его феромоны, которые он изо всех сил пытался сдерживать, вырвались наружу, словно из клетки. И как назло, попытки «скрыть» их оказались бесполезны — они стали в десятки раз сильнее, чем прежде.

Ему оставалось лишь прижать хвост и осторожно подавлять феромоны, боясь как-то повлиять на «доброего человека», который нес его на спине.

Фэн Бэй, конечно же, чувствовал, что всё вокруг пропитано запахом конфет. «До чего приторно», — подумал он, но внешне оставался невозмутим и продолжал идти, совершенно не заботясь о том, что Тан Цунъюнь на его спине уже готов провалиться сквозь землю от стыда.

Добрый день, в этих двух главах мы немного развиваем их отношения.

<http://bllate.org/book/22097/2297909>